

На правах рукописи

Довлатов Александр Николаевич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ
С МОНОПОЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ
И НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Ильяшенко Алексей Николаевич

Официальные оппоненты: **Пинкевич Татьяна Валентиновна**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного
Знамени Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
профессор кафедры уголовной политики

Рускевич Евгений Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени
О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
профессор кафедры уголовного права

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова»**

Защита диссертации состоится «22» октября 2026 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 35.2.019.01 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.gisnauka.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

Грицаев Сергей Иванович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Процессы глобальной цифровизации, охватившие в последние десятилетия практически все сферы жизнедеятельности человека и общества, стали катализатором глубинных структурных преобразований в экономике, в частности в области торговли товарами и услугами. Классические модели свободных рыночных отношений сталкиваются с новой реальностью, в которой значительная, а по некоторым сегментам и преобладающая, доля экономических операций осуществляется в формате электронной конкуренции. Данный тренд получил мощный импульс благодаря стремительному развитию и доминированию цифровых многосторонних платформ (маркетплейсов), которые трансформируют традиционные цепочки создания стоимости и кардинально меняют поведение потребителей, поставщиков и посредников.

В связи с этим происходит вынужденная и зачастую болезненная трансформация классических каналов сбыта, которым приходится адаптироваться к диктату цифровой среды. Параллельно наблюдается качественное изменение самой природы конкурентной борьбы. Конкуренция интенсифицируется не только внутри электронной коммерции и традиционной торговли, но и между этими двумя моделями, формируя все более выраженное их конкурентное противостояние. Цифровая среда, характеризующаяся высокой скоростью взаимодействий, глобальным охватом и специфическими алгоритмическими механизмами, породила ранее неизвестные формы и методы ограничения конкуренции. Агрессивные маркетинговые стратегии, манипуляция рейтингами и отзывами, злоупотребление доминирующим положением платформ – все это зачастую обретает черты недобросовестной конкуренции, находящей в инфраструктуре онлайн-платформ новое, масштабируемое и сложно регулируемое пространство для реализации.

Столь динамичные изменения в экономических отношениях не могли остаться без ответа со стороны законодателя. Наблюдается активная, хотя и не всегда синхронная, адаптация антимонопольного законодательства к вызовам цифровой экономики. Эволюция материального права закономерно повлекла за собой необходимость реформирования уголовно-правовых механизмов защиты конкурентной среды. Это находит прямое отражение в последовательных коррективах норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), направленных на оптимизацию ответственности за наиболее общественно опасные нарушения в данной сфере. Так, были внесены существенные изменения в статьи, предусматривающие ответственность за ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ, редакции 2015 г.), незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ, редакции 2024 г.), а также за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ, редакции 2021 г.).

Указанные законодательные новации, однако, не всегда успевают за скоростью появления новых схем нарушений, а их правоприменительная практика сталкивается с существенными трудностями интерпретации. В этой

ситуации становится очевидным нарастающий разрыв между быстро трансформирующимися общественными отношениями в сфере защиты конкуренции и сложившимся доктринальным аппаратом уголовного права. Существующие теоретические конструкции требуют критического переосмысления и развития применительно к реалиям цифровой экономики, включая уточнение объектов уголовно-правовой охраны, признаков составов преступлений, критериев их отграничения от гражданско-правовых и административных деликтов.

Таким образом, совокупность изложенных факторов – революционное воздействие цифровых технологий на рынки, появление новых высокотехнологичных форм антиконкурентных практик, реактивное реформирование законодательства и возникающие при этом правовые коллизии – с объективной необходимостью диктует потребность в специальном комплексном уголовно-правовом научном исследовании. Его цель – изучение новых угроз конкурентной среде, анализ эффективности обновленных уголовно-правовых норм и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию механизмов уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистической деятельностью и недобросовестной конкуренцией в условиях цифровой трансформации экономики. Это определяет высокую актуальность, теоретическую и практическую значимость избранной темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. В уголовно-правовой науке сформированы фундаментальные теоретические основы уголовно-правовой охраны свободной конкуренции благодаря трудам таких ученых, как Б.В. Волженкин, А.И. Клепицкий, А.П. Кузнецов, В.Д. Ларичев, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, Т.В. Пинкевич, Е.А. Русскевич, Т.Д. Устинова, И.В. Шишко, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

В последние годы проблемам противодействия ограничению конкуренции были посвящены диссертации Д.Б. Лаптева (2016 г.), О.Е. Деревягиной (2021 г.), Р.А. Жабагинова (2021 г.). Проблемы незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) исследовались в диссертации Л.К. Никитиной (2010 г.). Вопросы ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, изучались в трудах С.А. Гончарова (2019 г.), С.В. Карташова (2019 г.). В диссертации А.В. Даниловской раскрыты концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции (2024 г.).

В то же время комплексного уголовно-правового исследования проблем противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, не проводилось. В указанных трудах рассматривались лишь отдельные уголовно-правовые аспекты защиты конкуренции без учета современного уровня цифровизации экономических отношений.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений, состоящих в монополистических действиях и недобросовестной конкуренции,

регламентацией уголовной ответственности за совершение таких преступлений и их уголовно-правовой оценкой.

Предметом диссертационного исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 178, 180, 183 УК РФ, устанавливающие ответственность за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию; вопросы дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации; смежное отечественное законодательство; зарубежное уголовное законодательство; материалы правоприменительной практики; статистические данные о рассматриваемых преступлениях; труды специалистов по теме научного исследования.

Цель диссертационного исследования – комплексная разработка уголовно-правовых аспектов противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, научное обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в этой сфере и практики его применения, получение нового научного знания по поводу совершения рассматриваемых преступлений и противодействия им.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

определить понятия монополистических действий и недобросовестной конкуренции и охарактеризовать особенности нормативного регулирования их запрета;

раскрыть социально-юридические факторы, обуславливающие криминализацию преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией;

выявить положительный зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на свободу конкуренции;

установить особенности уголовно-правовой характеристики состава ограничения конкуренции;

раскрыть современную специфику объективных и субъективных признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг);

сформулировать уточненное понимание признаков состава незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;

выявить особенности квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией;

разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, и практики его применения.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите

конкуренции» и иные нормативные правовые акты. Компаративные аспекты исследования потребовали обращения к зарубежному уголовному законодательству.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, социологии, политологии, криминологии. Среди уголовно-правовых публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить труды Б.В. Волженкина, С.А. Гончарова, А.В. Даниловской, О.Е. Деревягиной, Р.А. Жабагинова, С.В. Карташова, А.И. Клепицкого, А.П. Кузнецова, Д.Б. Лаптева, В.Д. Ларичева, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимова, Л.К. Никитиной, Т.В. Пинкевич, Е.А. Русскевич, Т.Д. Устиновой, И.В. Шишко, П.С. Яни, Б.В. Яценко и др.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; результаты изучения материалов судебной практики, относящейся к теме исследования; 163 уголовных дела о преступлениях, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией (58 уголовных дел по ст. 178 УК РФ, 69 уголовных дел по ст. 180 УК РФ и 36 уголовных дел по ст. 183 УК РФ); данные опроса 164 сотрудников правоохранительных органов (24 мировых и 49 федеральных судей, 65 следователей и 26 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации). При подготовке диссертации использовались результаты исследований, выполненных другими авторами.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, моделирование, логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертационного исследования определяется комплексным и системным подходом к анализу уголовно-правового противодействия преступлениям, посягающим на конкурентные отношения, в условиях цифровой трансформации экономики.

В результате проведенного исследования установлено, что современная система уголовно-правовой охраны конкуренции характеризуется структурной разрозненностью и существенным отставанием от развития рыночных отношений, что проявляется в узком круге криминализированных деяний (картели, отдельные формы недобросовестной конкуренции) на фоне широкого антимонопольного запрета. Выявлен и раскрыт правоприменительный диссонанс, возникающий из-за отсутствия синхронного обновления уголовного закона при активной адаптации антимонопольного законодательства к вызовам цифровой экономики.

Определена и научно обоснована качественно новая природа общественной опасности монополистических действий и недобросовестной

конкуренции в цифровую эпоху. Она характеризуется не просто увеличением ущерба, а формированием системной угрозы основам конкурентного порядка в результате масштабируемости, алгоритмизации, повышенной латентности и необратимости последствий цифровых нарушений.

На основе компаративного анализа выявлены и систематизированы альтернативные модели криминализации, представляющие интерес для совершенствования отечественного уголовного права. Среди перспективных зарубежных подходов к уголовно-правовой охране конкуренции выделены: расширение объекта защиты за пределы картелей и использование административной преюдиции для укрепления антимонопольного контроля (УК Узбекистана); построение системного запрета различных форм недобросовестной конкуренции (УК Молдовы); акцент на узкоспециализированные и формальные составы, которые упрощают правоприменение и защищают конкуренцию через криминализацию коррупции в частном секторе (УК ФРГ); установление ответственности за неисполнение предписаний антимонопольных органов и за умышленное искажение рыночной информации, что в совокупности направлено на охрану функциональности рыночного механизма как публичного блага (УК Латвии и УК Нидерландов).

Дана развернутая современная уголовно-правовая характеристика ключевых составов. В частности, для ст. 178 УК РФ уточнена структура объекта, а также выявлена и проанализирована основная квалификационная проблема установления фактической (а не формальной) конкурентности субъектов сговора в условиях сложных корпоративных структур. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 180 УК РФ, обоснована позиция, согласно которой основным объектом преступления выступают отношения добросовестной конкуренции, нарушаемые путем «паразитирования» на чужом средстве индивидуализации, а также выработаны рекомендации по квалификации новых форм нарушений в цифровой среде (например, неправомерное размещение маркетплейсом пометки «оригинал»). Определено, что основным непосредственным объектом состава преступления, регламентированного ст. 183 УК РФ, являются отношения по охране специальных видов тайн, а конкурентные отношения выступают факультативным объектом, что предопределяет правила квалификации по совокупности со смежными составами.

Сформулированы универсальные правила квалификации преступлений данной группы. Доказано, что нормы об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию, а также смежные с ними составы (ст. 138, 272¹, 201, 285 УК РФ) не находятся в отношениях конкуренции общей и специальной нормы или части и целого.

Разработана концепция оптимизации уголовного законодательства в исследуемой сфере. Ее основными направлениями являются:

унификация и расширение уголовно-правовых запретов через криминализацию иных, помимо картелей, форм монополистической деятельности (злоупотребление доминирующим положением, согласованные действия) и наиболее опасных видов недобросовестной конкуренции

(дискредитация, введение в заблуждение) с сохранением материальных составов для отграничения от административных проступков;

адаптация к цифровым реалиям, предполагающая рассмотрение вопроса о восстановлении ответственности за заведомо ложную рекламу и создание норм, адекватно реагирующих на комплексные цифровые угрозы, сочетающие ненадлежащую рекламу, нарушения прав на средства индивидуализации и оборота персональных данных.

Таким образом, научная новизна заключается в целостном переосмыслении оснований, пределов и механизмов уголовно-правовой защиты конкуренции, результатом которого стали конкретные теоретические выводы и законодательные предложения, направленные на преодоление выявленного системного кризиса в данной сфере правового регулирования.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Современная система уголовно-правовой охраны конкуренции в Российской Федерации характеризуется существенной разрозненностью и отставанием от развития рыночных отношений. Несмотря на то что Федеральный закон «О защите конкуренции» формирует широкую правовую основу, определяя и запрещая обширный спектр монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, уголовный закон криминализирует лишь отдельные, наиболее грубые их проявления (картельные сговоры по ст. 178 УК РФ, а также некоторые формы недобросовестной конкуренции по ст. 180 и 183 УК РФ). Это порождает правоприменительный диссонанс, особенно в условиях цифровой трансформации экономики, когда активное обновление антимонопольного законодательства (например, введение специальных норм о злоупотреблении доминированием цифровых платформ) не находит адекватного и синхронного отражения в уголовно-правовых нормах. Таким образом, действующая модель уголовно-правового противодействия, оставаясь в рамках узко очерченного круга составов, не в полной мере отвечает на новые вызовы, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией в цифровой среде.

2. Общественная опасность монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, выступающая в качестве основания криминализации таких деяний, предопределяется совокупностью следующих факторов:

1) масштабирование и системность ущерба: нарушения перестают быть локальными, воздействуя на системообразующие сегменты экономики (такие как госзакупки, охватывающие значительную долю ВВП) и глобальные цифровые рынки, что приводит к макроэкономическим потерям, росту цен для неограниченного круга потребителей и деформации целых отраслей;

2) качественное изменение способов совершения нарушений: использование алгоритмического ценообразования, аукционных роботов, искусственного интеллекта и платформенных алгоритмов, что приводит к автоматизации и опосредованию противоправной деятельности, минимизирующей прямое участие человека и размывающей субъектную

ответственность, а также к крайнему повышению конспиративности и латентности, когда сговоры (цифровые картели) или злоупотребления доминирующим положением реализуются через сложные для отслеживания и доказывания цифровые взаимодействия и алгоритмические команды;

3) подрыв основ честного рыночного механизма: правонарушения эволюционируют от единичных недобросовестных актов к встроенным, системным практикам цифровых платформ (манипуляция ранжированием, непрозрачное управление ценами, необоснованное использование средств индивидуализации), которые искажают саму основу свободной конкуренции и потребительского выбора, заменяя их управляемой алгоритмической средой;

4) сложность восстановления конкурентной среды: вред, причиненный высокотехнологичными нарушениями, часто носит необратимый или трудноустраняемый характер; алгоритмические сговоры или дискриминационные платформенные практики могут быстро привести к вытеснению добросовестных конкурентов с рынка, после чего восстановление условий для честной конкуренции требует чрезмерных усилий со стороны государства.

Доказано, что совокупное действие этих факторов формирует качественно новый уровень общественной опасности, который характеризуется не просто увеличением потенциального ущерба, а системной угрозой для конкурентного порядка в цифровой экономике, что обосновывает необходимость усиления мер уголовно-правового реагирования.

3. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства выявил, что, несмотря на общность исходных принципов охраны конкуренции, в правовом поле стран ближнего зарубежья сложились значимые и перспективные для рецепции модели криминализации, альтернативные действующему российскому подходу.

В то время как уголовный закон Российской Федерации концентрируется преимущественно на картельных сговорах (ст. 178 УК РФ), сопоставимое законодательство других государств демонстрирует следующие эффективные правовые решения:

1) конкретизация и расширение объекта защиты: УК Кыргызской Республики (ст. 223) криминализирует не только согласованные действия, но и поддержание монопольно высоких (низких) цен вне формального сговора. УК Республики Беларусь детализирует запреты, выделяя в самостоятельные составы распространение ложной информации о товарах и срыв публичных торгов (ст. 250, 251), что актуализирует вопрос о восстановлении уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу в УК РФ;

2) акцент на обеспечение эффективности антимонопольного контроля: УК Республики Узбекистан (ст. 183) устанавливает ответственность за неповиновение законным предписаниям антимонопольного органа, используя конструкцию административной преюдиции, что соответствует современным тенденциям уголовной политики и способствует повышению авторитета контролирующих институтов;

3) системный запрет недобросовестной конкуренции: наиболее полная и структурная криминализация различных форм недобросовестной конкуренции

(дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение) реализована в УК Республики Молдова (ст. 247), что может служить образцом для возможной модернизации российской системы уголовно-правовых запретов.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что уголовное законодательство ведущих государств Европы характеризуется переходом от общих материальных составов к дифференцированной и процедурно ориентированной модели защиты конкуренции. В отличие от интеграционного подхода, свойственного УК РФ, эти системы выделяют конкуренцию как автономный объект уголовно-правовой охраны и используют специализированные инструменты: формальные составы для пресечения сговоров на торгах (§ 298 УК ФРГ), нормы о коммерческом подкупе для защиты корпоративной этики и конкуренции (§ 299 УК ФРГ), универсальные бланкетные нормы о недобросовестной конкуренции с высоким порогом вреда (ст. 211 УК Латвийской Республики) и обеспечительные нормы, гарантирующие исполнение предписаний регулятора (ст. 212 УК Латвийской Республики).

Компаративный анализ выявил неединообразное, но концептуально расширенное правовое поле, содержащее законодательные формулы, которые потенциально могут быть использованы для повышения эффективности уголовно-правовой охраны конкурентной среды в Российской Федерации, в том числе в контексте противодействия новым цифровым угрозам.

4. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением гарантированной Конституцией РФ свободы соперничества хозяйствующих субъектов, основанного на рыночных правилах. Таким образом, уголовный закон охраняет не просто экономическую деятельность, а конституционно значимую ценность – конкурентный порядок, который является фундаментальным условием для развития рыночной экономики, защиты прав потребителей и стимулирования инноваций. В качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением имущественных интересов государства, организаций и граждан, нарушаемые вследствие ограничения конкуренции.

Установление круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, сопряжено со значительными правоприменительными сложностями, вытекающими из особенностей данного состава. Применение ст. 178 УК РФ нередко затрудняется необходимостью установления не только факта выполнения управленческих функций, но и реальной конкурентности между компаниями, чьи представители вступили в сговор. Антимонопольный закон легализует соглашения внутри одной группы лиц, т. е. формально независимые юридические лица, находящиеся под единым контролем, не могут быть субъектами картельного сговора.

5. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ) посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением добросовестной конкуренции посредством недопущения незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Незаконное использование средств индивидуализации предполагает их применение на товарах, предполагаемых для последующей продажи, а равно оборот этой продукции, ориентированный на ее реализацию.

Противоправные действия администрации электронной торговой площадки по размещению обозначения об оригинальности товара подлежат уголовно-правовой оценке в качестве пособничества совершению исследуемого состава преступления.

Неоднократность как альтернативный конструктивный признак состава незаконного использования средств индивидуализации подразумевает повторение соответствующих действий. При этом не имеет значения факт привлечения или непривлечения лица за предшествующий акт противоправного поведения к административной ответственности.

Выявлено, что преобладающим способом определения крупного размера ущерба вследствие совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, признается умножение количества проданного товара на стоимость соответствующей оригинальной продукции.

6. Основной непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, составляют общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением коммерческой, налоговой и банковской тайн, а отношения в сфере свободной конкуренции являются факультативным непосредственным объектом этого преступления.

Коммерческой тайной может выступать любая информация, признанная таковой ее обладателем в соответствии с требованиями законодательства. При этом особенностью современного понимания предмета состава данного преступления является включение в его содержание персональных данных.

7. Разработаны научно обоснованные рекомендации по квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией:

1) квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается; при этом действия должностного лица, участвовавшего в ограничении конкуренции, подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ);

2) в подавляющем большинстве случаев субъект состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, – это лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ как совершенное «лицом с использованием своего служебного положения»; при этом норма об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит;

3) поскольку ограничивающее конкуренцию соглашение является сделкой, ограничение конкуренции, совершенное с угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, может одновременно подпадать под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ; совокупность преступлений в данном случае отсутствует, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ как специальная норма;

4) если действия лица содержат признаки как преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, так и преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, то они должны быть квалифицированы по совокупности;

5) статьи 183 и 272¹ УК РФ регулируют разные сферы общественных отношений и не конкурируют между собой; если действия лица подпадают под признаки составов преступлений, предусмотренных обеими статьями, то лицо подлежит ответственности по совокупности этих норм уголовного закона;

6) не находятся в отношениях конкуренции и подлежат квалификации по совокупности уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 183 УК РФ и ст. 201, 285 УК РФ, поскольку также регулируют разные сферы общественных отношений.

8. Разработаны и научно обоснованы приоритетные направления оптимизации норм об уголовной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства:

1) доказана необходимость закрепления унифицированного нормативного положения об уголовной наказуемости монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, охватывающего своим содержанием соответствующие деяния, регламентированные антимонопольным законодательством;

2) аргументирована необходимость уточнения признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) за счет прямой криминализации использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также использования указаний об оригинальности товара в качестве квалифицирующих признаков данного преступления;

3) доказана актуальность установления уголовно-правового запрета заведомо ложной рекламы как одного из эффективных инструментов противодействия антиконкурентным практикам современного цифрового общества;

4) обоснована потребность в дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. В частности, предложено:

закрепить в качестве квалифицирующего признака совершение преступления хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

исключить квалифицирующий признак ограничения конкуренции в виде совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения как характерный для большинства случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Обоснованы и сформулированы проекты новых редакций ст. 178 и 180 УК РФ и проект новой нормы ст. 182 УК РФ (изложены в тексте автореферата и диссертации).

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о преступлениях, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, их квалификации, определяют направления для дальнейших исследований проблем уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям и тем самым обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. Результаты исследования могут быть использованы: в рамках совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, с целью повышения эффективности практики применения норм об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в учебном процессе высших образовательных организаций, в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня: Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 20 сентября 2024 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы» (Академия управления МВД России, Москва, 27 сентября 2024 г.), Международной научно-практической конференции «II Научные чтения, посвященные памяти профессора М.Н. Гернета» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, 23 октября 2024 г.), XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия, Москва, 20 ноября 2024 г.), XXII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 23–24 января 2025 г.), Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 26 сентября 2025 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики

Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны)» (Академия управления МВД России, Москва, 24 октября 2025 г.), XIII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, 26 ноября 2025 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в эпоху глобальных вызовов: состояние и перспективы» (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, 27 ноября 2025 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 13 научных статьях, 8 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Положения диссертации используются в учебном процессе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, внедрены в практическую деятельность Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, Главного управления МВД России по Ставропольскому краю и Управления Федеральной антимонопольной службы по Краснодарскому краю.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием надлежащей методологической основы, адекватной поставленным задачам и обеспечивающей всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме исследования.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи, характеризуются нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации, раскрываются методологическая основа, методы и научная новизна работы, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования, приводятся сведения об их апробации и степени достоверности.

Первая глава **«Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: понятие и нормативное регулирование»** раскрываются вопросы правовых основ свободной конкуренции и недопустимости ее ограничения.

Ключевым нормативным актом, регулирующим защиту конкуренции в Российской Федерации, является Федеральный закон «О защите конкуренции». Этот закон, принятый в 2006 г., формирует правовой фундамент для двух взаимосвязанных направлений: противодействия монополистической деятельности и недопущения ограничения конкуренции, в совокупности составляющих суть поддержания условий для свободной конкуренции.

В рамках закона монополистическая деятельность определяется как злоупотребление доминирующим положением на рынке, а также запрещенные соглашения или согласованные действия хозяйствующих субъектов. Понятие недобросовестной конкуренции трактуется еще шире и охватывает любые недобросовестные действия, направленные на получение несправедливых преимуществ, которые противоречат не только букве закона, но и принципам добропорядочности, разумности и справедливости, нанося ущерб конкурентам.

В то же время важно подчеркнуть, что уголовная ответственность наступает лишь за наиболее общественно опасные деяния из этого обширного спектра нарушений. Так, в УК РФ прямо криминализировано ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ). При этом если антимонопольное законодательство детально регулирует целый комплекс монополистических действий (злоупотребление доминированием, различные соглашения), то уголовный закон сосредоточен преимущественно на картельных сговорах как на самой грубой форме такого ограничения.

Динамика развития рынков, особенно в эпоху цифровизации, активно влияет и на законодательство. Ярким примером стало введение в 2023 г. специальных норм, касающихся злоупотребления доминирующим положением владельцами цифровых платформ (к которым, в частности, относятся крупные маркетплейсы). Эта новация отражает попытку законодателя адекватно реагировать на появление сложных рыночных реалий, где цифровые площадки формируют собственные экосистемы с уникальными правилами.

Несмотря на такие адаптации антимонопольного права, вызванные цифровой трансформацией, уголовно-правовые нормы, касающиеся картелей, остаются без существенных изменений. Это создает определенный диссонанс между быстро эволюционирующим экономическим ландшафтом и инструментарием уголовного преследования.

Федеральный закон «О защите конкуренции» служит основой и для других уголовно-правовых запретов. В нем закреплен перечень форм недобросовестной конкуренции, таких как дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, незаконное использование средств индивидуализации и нарушение коммерческой тайны. Из этого списка под действие УК РФ подпадают только два деяния: незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ) и незаконные получение и разглашение коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ).

Таким образом, действующее законодательство формирует достаточно узкий, но четко очерченный круг уголовно наказуемых деяний, посягающих на отношения свободной и добросовестной конкуренции, оставляя остальные нарушения в сфере административной или гражданско-правовой ответственности.

Во втором параграфе **«Социально-правовая обусловленность криминализации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией»** исследуются предпосылки установления уголовной ответственности за совершение преступлений в указанной сфере.

Анализ современной экономической реальности позволяет утверждать, что уровень общественной опасности нарушений антимонопольного законодательства находится в прямой зависимости от степени и специфики цифровизации соответствующей сферы деятельности. Наиболее репрезентативными областями, где это проявляется с высокой интенсивностью, выступают государственные закупки и розничная торговля на цифровых платформах (маркетплейсах).

В сфере госзакупок, составляющей значительную долю ВВП России, изначально социально полезные цели цифровизации (автоматизация, прозрачность) привели к появлению высокотехнологичных форм сговоров – «цифровых картелей». Использование алгоритмического ценообразования, аукционных роботов и инструментов искусственного интеллекта не только автоматизирует, но и маскирует противоправные согласованные действия, многократно повышая их конспиративность и вариативность, что затрудняет выявление и доказывание.

Параллельно с этим на рынке маркетплейсов цифровые алгоритмы сами становятся инструментом влияния на конкуренцию. Это выражается в непрозрачном управлении ценообразованием, манипуляциях с ранжированием товаров в выдаче и использовании средств индивидуализации (например, пометок об оригинальности) без должного нормативного регулирования. Такие действия де-факто формируют новые формы недобросовестной конкуренции и злоупотребления доминирующим положением, масштаб ущерба от которых усугубляется охватом платформ.

Таким образом, ключевой проблемой становится качественная трансформация способов ограничения конкуренции в цифровой среде, характеризующаяся повышенной скрытностью, сложностью алгоритмических механизмов и опосредованным участием человека. Это порождает существенный разрыв между скоростью развития новых вредоносных практик и возможностями их своевременного выявления, квалификации и пресечения с помощью действующего уголовно-правового инструментария.

Изложенные обстоятельства подтверждают достаточный для криминализации уровень общественной опасности преступлений, связанных с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции, и одновременно необходимость совершенствования мер уголовно-правового противодействия таким деяниям.

В третьем параграфе **«Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции»** подчеркивается, что наличие уголовно-правового запрета посягательств на добросовестную конкуренцию является традиционной практикой законодательства подавляющего большинства государств ближнего зарубежья

(УК Республики Таджикистан, УК Кыргызской Республики, УК Республики Беларусь, УК Республики Молдова).

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства государств СНГ в сфере охраны конкуренции выявляет как общие тенденции, так и значимые национальные особенности, представляющие интерес для развития российского уголовного права.

Ряд уголовных кодексов (например, Республики Таджикистан) содержит запреты, схожие с российской моделью (ст. 178 УК РФ). В то же время наблюдаются и расширительные подходы. Так, УК Кыргызской Республики (ст. 223) криминализирует не только картельные сговоры, но и поддержание монопольных цен вне соглашения, однако сужает основание ответственности до извлечения дохода в крупном размере, исключая критерий причинения крупного ущерба.

Выявлена оригинальность законодательных решений в других странах. Так, в УК Республики Узбекистан (ст. 183) сделан акцент на криминализацию неповиновения законным требованиям антимонопольного органа с использованием административной преюдиции, что соответствует современным тенденциям уголовной политики.

Белорусский законодатель пошел по пути конкретизации и детализации запретов, выделив в отдельные составы установление монопольных цен (ст. 245), распространение ложной информации о товарах (ст. 250) и срыв публичных торгов (ст. 251). Этот опыт актуален для российской дискуссии о необходимости возврата уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу.

Наиболее системный и широкий подход к криминализации недобросовестной конкуренции представлен в УК Республики Молдова (ст. 247), где под уголовный запрет прямо поставлены такие ее формы, как дискредитация конкурента, введение потребителей в заблуждение и некорректное сравнение.

Компаративное исследование подтверждает, что уголовно-правовая защита конкуренции в регионе развивается неединообразно. В то время как российское законодательство делает акцент на борьбе с картелями, опыт соседних государств демонстрирует потенциал таких механизмов, как криминализация неповиновения антимонопольным органам, конкретизация ценовых манипуляций и прямой запрет широкого спектра актов недобросовестной конкуренции. Эти модели заслуживают внимания в контексте совершенствования отечественного уголовного закона для более эффективного противодействия новым, в том числе цифровым, вызовам.

На основании проведенного сравнительно-правового анализа уголовно-правовых норм государств дальнего зарубежья, направленных на защиту конкурентной среды, можно сформулировать выводы:

1) о системном подходе к защите конкуренции в структуре уголовного права. В УК ФРГ, включающем самостоятельный раздел «Преступные деяния против конкуренции», подчеркивается признание конкурентного порядка самостоятельным и высшим публичным благом, требующим специальной уголовно-правовой охраны. Данный подход отличается от интеграционной модели, принятой в Российской Федерации и ряде стран СНГ, где аналогичные

нормы включены в более широкие главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, что может нивелировать специфику объекта посягательства;

2) о доминировании специализированного и процедурного подходов в европейских моделях. Анализируемые системы демонстрируют движение от широких материальных составов (как ст. 178 УК РФ) к точечному регулированию ключевых механизмов обеспечения честной конкуренции. В УК ФРГ § 298 представляет собой эталонный пример формального и специализированного состава, криминализирующего не абстрактное ограничение конкуренции, а конкретное деяние – подачу заявки на торги, основанную на предварительном сговоре. Такой подход кардинально упрощает доказывание (не требуется установление последствий в виде ущерба) и служит эффективным превентивным инструментом для защиты прозрачности публичных закупок;

3) о расширении объекта охраны за счет внутренних корпоративных отношений. Норма о коммерческом подкупе (§ 299 УК ФРГ) указывает на глубокое понимание взаимосвязи добросовестного корпоративного управления и здоровой конкуренцией. Криминализируя подкуп лиц, принимающих решения в частном секторе, законодатель защищает не только честность конкуренции, но и имущественные интересы акционеров, обеспечивая лояльность наемных управленцев. Широкое определение субъекта (включая любых уполномоченных лиц) и формальный характер состава делают эту норму гибким и мощным средством противодействия недобросовестным практикам в деловом обороте, в том числе трансграничным;

4) о прагматичной универсализации и обеспечении исполнимости в латвийской модели. Латвийский законодатель избрал иную, но не менее прагматичную стратегию, создав двухуровневую систему:

универсальная материальная норма (ст. 211 УК Латвийской Республики), охватывающая широкий спектр недобросовестных практик через бланкетную диспозицию, но устанавливающая высокий порог криминализации – причинение существенного вреда;

процессуально-обеспечительная норма (ст. 212 УК Латвийской Республики), направленная на защиту авторитета и эффективности антимонопольного органа путем криминализации неисполнения его предписаний. Эта модель признает, что уголовное право может выступать не только как средство противодействия монополизму, но и как гарант действенности административного контроля;

5) о целевом подходе к криминализации недобросовестной конкуренции. Нидерландская норма (ст. 328bis УК Королевства Нидерландов) фокусируется на субъективной цели – улучшении рыночного положения через обман. Таким образом, ключевым фактором становится не форма действия, а его направленность на искажение основ честного экономического соперничества. Этот подход акцентирует внимание на охране функциональности рыночного механизма и свободы экономического выбора, основанного на достоверной информации.

Таким образом, европейские модели (в частности, германская и латвийская) демонстрируют более диверсифицированный и инструментальный

подход к уголовно-правовой защите конкуренции по сравнению с классической «картельной» моделью.

Вторая глава **«Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Ограничение конкуренции»** предлагаются результаты исследования современной уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

Центральной нормой уголовно-правовой охраны конкуренции в Российской Федерации является ст. 178 УК РФ. Эволюция данной нормы отражает как изменения в экономических отношениях, так и стремление законодателя к совершенствованию ее технико-юридической конструкции.

В качестве объективной стороны состава выступает заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) между хозяйствующими субъектами-конкурентами. Бланкетная диспозиция отсылает к антимонопольному законодательству, запрещающему соглашения, ведущие к фиксации цен, разделу рынка, сокращению производства и иным аналогичным последствиям. Особую значимость в правоприменении приобрели картельные сговоры на торгах, что нашло отражение в законодательном введении квалифицированного состава за совершение преступления в данной сфере (Федеральный закон от 13.12.2024 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76¹ и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28¹ и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Ключевым дискуссионным вопросом длительное время являлось содержание криминообразующего признака «доход в крупном размере». Противоречия в доктрине и судебной практике относительно трактовки дохода (как выручки или как чистой прибыли) были разрешены постановлением Конституционного Суда РФ от 19.04.2023, которое установило единообразный подход. Суд определил, что доходом по ст. 178 УК РФ является полная выручка от реализации товаров (работ, услуг), извлеченная в результате сговора, без вычета любых расходов. Данная правовая позиция впоследствии была инкорпорирована в саму норму путем дополнения примечания пунктом, закрепляющим это определение (п. 1 примечаний к ст. 178 УК РФ).

Субъект преступления обладает специальными признаками: им может быть только руководитель или уполномоченный представитель конкурирующего хозяйствующего субъекта. Квалификационные сложности возникают при разграничении незаконного картельного соглашения и правомерной координации внутри группы компаний, находящихся под единым контролем, что требует тщательного установления юридического факта подконтрольности.

Таким образом, состав ограничения конкуренции характеризуется динамичной бланкетной диспозицией, тесно связанной с развивающимся антимонопольным законодательством, и уточненными оценочными признаками, содержание которых было легитимировано на высшем уровне судебной власти.

Это формирует сложный, но более определенный контур уголовной ответственности за самые опасные формы антиконкурентных соглашений.

Во втором параграфе **«Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»** указывается на то, что дискуссия о непосредственном объекте преступления сосредоточена на вопросе, охраняет ли ст. 180 УК РФ исключительно интеллектуальные права или также отношения добросовестной конкуренции. Анализ системного расположения нормы в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности, ее бланкетной диспозиции (отсылающей к ч. 4 ГК РФ) и криминообразующих признаков (неоднократность, крупный ущерб) позволяет сделать вывод, что основным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие добросовестную конкуренцию. Право на средство индивидуализации нарушается как способ, этап для достижения главной цели – получения несправедливого конкурентного преимущества путем «паразитирования» на репутации чужого бренда.

Бланкетный характер диспозиции обуславливает зависимость содержания преступного деяния от изменений гражданского и антимонопольного законодательства (например, декриминализация незаконного использования предупредительной маркировки в 2024 г.). Судебная практика (в том числе постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14) толкует понятие «использование» расширительно, включая не только размещение знака на товаре, но и действия по введению товара в оборот (хранение, перевозку, предложение к продаже), в том числе в Интернете (в доменных именах, рекламе).

Интенсивное развитие интернет-торговли, особенно на маркетплейсах, порождает качественно новые формы нарушения конкурентной среды, которые с трудом подпадают под традиционные признаки ст. 180 УК РФ. К ним относятся:

«паразитарная» конкуренция: использование чужого товарного знака в качестве ключевого слова для поисковой рекламы, перенаправление трафика;

манипуляции на платформах: неправомерное размещение администрацией маркетплейса отметок об оригинальности товара, что может квалифицироваться лишь как пособничество.

Имеются и сложности в определении ущерба: в правоприменительной практике доминирует спорный метод расчета, основанный на стоимости вытесненного с рынка оригинального товара, а не на реальном ущербе правообладателя или доходе нарушителя.

Существующая конструкция ст. 180 УК РФ демонстрирует растущий разрыв с реалиями цифрового рынка. Законодательная формулировка и сложившаяся судебная практика оказываются недостаточно гибкими для адекватной квалификации современных, зачастую опосредованных алгоритмами, способов недобросовестного использования чужих обозначений в интернет-среде, что снижает эффективность уголовно-правовой защиты конкурентных отношений.

В третьем параграфе **«Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»** отмечается, что основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие конфиденциальность и сохранность

специально охраняемых законом видов тайн. Отношения в сфере добросовестной конкуренции являются факультативным объектом, поскольку преступление может совершаться и не в конкурентных целях (например, для шантажа). Однако в большинстве случаев такое собирание, распространение или использование информации напрямую посягает на честную конкурентную борьбу, предоставляя нарушителю несправедливое преимущество.

Предметом преступления являются сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну, – бланкетные признаки, раскрываемые в отраслевом законодательстве. Современная судебная практика показывает, что под режим коммерческой тайны все чаще подпадает не только технико-производственная информация, но и иные данные, имеющие коммерческую ценность в силу их неизвестности третьим лицам (например, клиентские базы, персональные данные).

Объективная сторона характеризуется собиранием сведений незаконным способом (ч. 1 ст. 183 УК РФ). Закон содержит открытый перечень таких способов (похищение, подкуп, шантаж, обман, угроза, принуждение), который охватывает и современные методы, включая несанкционированное наблюдение, использование специальных технических средств или кибернетических инструментов для доступа к защищенным информационным системам.

В ч. 2 ст. 183 УК РФ объективная сторона представлена незаконным разглашением или использованием сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому эта информация была доверена или стала известна по службе или работе.

Таким образом, ст. 183 УК РФ обеспечивает охрану конфиденциальной информации как самостоятельной социально-экономической ценности. При этом ее применение в значительной степени служит цели защиты основ добросовестной конкуренции, пресекая наиболее агрессивные и противоправные методы получения конкурентных преимуществ в условиях обострившейся рыночной борьбы.

Третья глава **«Основные направления оптимизации мер уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Особенности квалификации преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией»** рассматриваются проблемные вопросы применения исследуемых уголовно-правовых норм.

В диссертации сделан вывод, что уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями или недобросовестной конкуренцией, не находятся в отношениях конкуренции. При одновременном наличии признаков нескольких преступлений анализируемой группы они применяются по совокупности.

Квалификация действий должностного лица в качестве исполнителя ограничения конкуренции исключается. Действия должностного лица,

участвовавшего в ограничении конкуренции, подлежат квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ).

Результаты проведенного исследования материалов следственно-судебной практики показывают, что в подавляющем большинстве случаев субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Ограничение конкуренции таким субъектом подлежит квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 178 УК РФ. При этом норма об ответственности за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) дополнительному применению в подобных ситуациях не подлежит.

В случаях когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 178 и ст. 179 УК РФ, применению подлежит только ч. 4 ст. 178 УК РФ как специальная норма.

Поскольку основным объектом ст. 183 УК РФ выступают отношения по охране специальных видов тайн, а ст. 138 УК РФ защищает конституционное право на неприкосновенность частной жизни, при одновременном наличии признаков данных преступлений содеянное квалифицируется по совокупности. Правило о конкуренции части и целого неприменимо, так как нарушение тайны переписки является не этапом, а самостоятельным посягательством, которое может служить способом получения коммерческой тайны.

Установлено, что нормы ст. 183 УК РФ и ст. 272¹ УК РФ (неправомерное обращение компьютерной информации, содержащей персональные данные) охраняют разные объекты (экономические отношения и общественную безопасность соответственно). В связи с этим, например, неправомерный доступ к базе данных, содержащей одновременно охраняемую тайну и персональные данные, должен квалифицироваться по совокупности указанных статей.

Состав преступления, предусмотренный ст. 183 УК РФ, не является специальным по отношению к нормам о служебных преступлениях (ст. 201, 285 УК РФ), поскольку объекты этих посягательств (охрана тайн и интересы службы или государственной власти) носят самостоятельный характер. Следовательно, при наличии признаков злоупотребления служебными полномочиями с целью получения или разглашения тайны содеянное также подлежит квалификации по совокупности. Аналогичным образом решается вопрос о квалификации деяний, предусмотренных ст. 201 или 285 УК РФ, по совокупности и с иными преступлениями, связанными с монополистическими действиями или недобросовестной конкуренцией.

Проведенный анализ подтверждает, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 183 УК РФ, не находится в отношениях конкуренции общей и специальной нормы или части и целого с перечисленными смежными составами. В случаях одновременного наличия признаков нескольких преступлений правоприменителю надлежит руководствоваться правилами о совокупности преступлений.

Во втором параграфе *«Перспективные пути совершенствования отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и*

недобросовестной конкуренцией» обосновано, что совершенствование уголовного законодательства в сфере защиты конкуренции выступает ключевой предпосылкой для повышения эффективности противодействия соответствующим преступлениям.

В ходе исследования обоснована необходимость нормативного закрепления унифицированного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за совершение монополистических действий и актов недобросовестной конкуренции. Ведущим требованием к такой унификации является обеспечение корреляции между уголовно-правовым запретом и диспозициями норм антимонопольного законодательства, что позволит распространить действие уголовного закона на весь спектр деяний, признаваемых отраслевым законодательством в качестве нарушений правил конкуренции.

В диссертации аргументирована необходимость уточнения признаков состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) за счет прямой криминализации использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также использования указаний об оригинальности товара в качестве квалифицирующих признаков данного преступления.

В контексте уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с монополистической деятельностью и ограничением конкуренции, доказана актуальность установления уголовно-правового запрета заведомо ложной рекламы как одного из эффективных инструментов борьбы с антиконкурентными практиками современного цифрового общества.

Определены пути совершенствования законодательных подходов к дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией. В частности, предложено:

закрепить в качестве квалифицирующего признака совершение преступления хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

исключить квалифицирующий признак ограничения конкуренции в виде совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения как характерный для большинства случаев совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

На основании проведенного исследования разработана следующая новая редакция ст. 178 УК РФ:

«Статья 178. Монополистическая деятельность и (или) недобросовестная конкуренция

1. Монополистическая деятельность и (или) недобросовестная конкуренция, запрещенные в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере, – ...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, если оно повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, а равно совершенное хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе, – ...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

- а) организованной группой;
- б) с причинением особо крупного ущерба;
- в) с извлечением дохода в особо крупном размере, – ...

4. Деяния, предусмотренные частью первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения, – ...

Примечания. 1. Доходом в настоящей статье признается выручка от реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения в результате исполнения такого соглашения, без вычета произведенных или необходимых (планируемых) расходов.

2. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает восемьдесят миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере – триста девяносто пять миллионов рублей.

3. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает шестнадцать миллионов рублей, а особо крупным ущербом – сорок семь миллионов пятьсот тысяч рублей.

4. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб, возвратило незаконно полученный им доход или иным образом загладило причиненный им вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

На основе разработанных положений предложена следующая новая редакция ст. 180 УК РФ:

«Статья 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

1. Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, – ...

2. То же деяние, совершенное:

а) хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

б) путем использования чужих средств индивидуализации в поисковых алгоритмах и рекламных кампаниях, а также с использованием указаний об оригинальности товара;

в) группой лиц по предварительному сговору, – ...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, – ...

Примечание. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей четыреста тысяч рублей».

Теоретически обоснована целесообразность криминализации распространения заведомо ложной рекламы, и разработана соответствующая новая уголовно-правовая норма:

«Статья 182. Заведомо ложная реклама

1. Использование в рекламе заведомо ложной информации относительно товаров, работ или услуг, а также их изготовителей (исполнителей, продавцов), причинившее крупный ущерб, – ...

2. То же деяние, совершенное:

а) хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой (маркетплейсом) и обеспечивающим посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, либо продавцом на такой платформе;

б) из корыстной заинтересованности;

в) группой лиц по предварительному сговору, – ...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, – ...

Примечание. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей четыреста тысяч рублей».

Виды и размеры наказаний в разработанных автором редакциях статей указаны в тексте диссертации.

В **заключении** изложены итоги выполненного исследования, сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, обозначены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложении** приведены данные опроса сотрудников правоохранительных органов.

Основные научные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих работах (общим объемом 6,3 п.л.):

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Довлатов, А.Н. Объект состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / А.Н. Довлатов // Общество и право. – 2024. – № 4. – С. 47–50 (0,5 п.л.).
2. Довлатов, А.Н. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): признаки объективной стороны состава преступления / А.Н. Довлатов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 37–40 (0,5 п.л.).
3. Довлатов, А.Н. Уголовно-правовая характеристика ограничения конкуренции: актуальные проблемы / А.Н. Довлатов // Юрист-Правовед. – 2025. – № 3. – С. 115–119 (0,6 п.л.).
4. Довлатов, А.Н. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: особенности квалификации / А.Н. Довлатов // Власть закона. – 2025. – № 3. – С. 260–267 (0,7 п.л.).
5. Довлатов, А.Н. Объективные признаки незаконного получения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну / А.Н. Довлатов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 85–89 (0,6 п.л.).
6. Довлатов, А.Н. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию / А.Н. Довлатов // Теория и практика общественного развития. – 2026. – № 1. – С. 228–232 (0,5 п.л.).
7. Довлатов, А.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства европейских государств об ответственности за монополистические действия и недобросовестную конкуренцию / А.Н. Довлатов // Общество и право. – 2026. – № 1. – С. 52–56 (0,6 п.л.).
8. Довлатов, А.Н. Уголовно-правовое значение монополистических действий и недобросовестной конкуренции / А.Н. Довлатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 3. – С. 120–126 (0,7 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

9. Довлатов, А.Н. Общественная опасность преступлений, связанных с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией, в условиях цифровизации экономических отношений / А.Н. Довлатов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г.А. Аванесова: в 2 ч. / под общ. ред. А.В. Победкина. – М.: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 2. – С. 86–91 (0,3 п.л.).

10. Довлатов, А.Н. Монополистические действия и недобросовестная конкуренция: уголовно-правовые аспекты противодействия / А.Н. Довлатов // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В.Е. Квашиса, 20 сент. 2024 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. – С. 352–356 (0,3 п.л.).

11. Довлатов, А.Н. Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья об ответственности за преступления, посягающие на свободу конкуренции / А.Н. Довлатов // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 2025. – С. 95–100 (0,3 п.л.).

12. Довлатов, А.Н. Недобросовестная конкуренция в сфере электронной коммерции: вопросы криминализации деяний / А.Н. Довлатов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2025. – № 4. – М.: Проспект, 2025. – С. 88–93 (0,4 п.л.).

13. Довлатов, А.Н. Современная уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с монополистическими действиями и недобросовестной конкуренцией / А.Н. Довлатов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны): сб. ст. по материалам Междунар. конф. (24 октября 2025 г.). – М.: Академия управления МВД России, 2025. – С. 308–312 (0,3 п.л.).